М.М. БРОНШТЕЙН
Государственный музей Востока,
Москва, Россия
e-mail: bronmi@list.ru

ДРЕВНЕЭСКИМОССКОЕ ИСКУССТВО ЧУКОТКИ: УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ИЛИ ОДНО ИЗ МНОГОЧИСЛЕННЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ ТВОРЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА?

Статья посвящена исследованию изобразительного творчества в первобытных сообществах Арктики. Анализируя художественные особенности древнеэскимосских изделий из кости, обнаруженных на побережьях Чукотки, сопоставляя их с произведениями древнего искусства низовьев Оби и Яны, автор выдвигает гипотезу, согласно которой охотники на мамонтов, северных оленей, морского зверя придавали большое значение созданию фигуративных и абстрактных изображений. Заметная роль искусства в жизни арктических первопроходцев была обусловлена ключевыми характеристиками Homo Sapiens, а также тем, что художественная деятельность способствовала более эффективному приспособлению человека к экстремально суровым климатическим и природным условиям Крайнего Севера.

Ключевые слова: *Древнеберингоморская культура, древнее святилище Усть-Полуй, Янская стоянка, художественные изделия из моржового клыка, металла, бивня мамонта.*

THE ANCIENT ESKIMO ART OF CHUKOTKA: THE UNIQUUE PHENOMENON ORONE OF THE NUMEROUS EVIDENCES OF THE PRIMITIVE PEOPLES CREATIVITY?

The subject of the article is the visual art of the primitive societies of the Arctic. On the basis of the study of the texture of the ancient Eskimo bone items discovered on the Chukotka coast and their comparison with the ancient art pieces from the lower Ob and the Yana regions the author offers a hypothesis suggesting that the mammoth, reindeer, and sea mammals hunters placed high value on the creation of figurative and abstract images. The prominent role of art in the life of the Arctic pioneers was a product of the key characteristics of Homo Sapiens as well as the fact that artistic creation functions contributed to the more efficient adaptation of humans to the extreme climate and natural conditions of the Far North.

Keywords: *Old Bering Sea culture, ancient sacred place Ust-Polui, Yana camp site, walrus tusk, metal and ivory art pieces.*

Впервые соприкоснувшись с изделиями из моржового клыка, созданными эскимосами Чукотки в I тыс. н.э., испытываешь шок. Как удалось морским зверобоям каменного века[1], населявшим один из самых суровых регионов планеты, создать столь совершенные в художественном отношении скульптуры, украшения, предметы охотничьего вооружения, орудия труда (рис. 1-9)? Чувство удивления становится еще более сильным, когда, изучая древнеэскимосское искусство, обнаруживаешь в нем сложные закономерности. Причем нередко такие, которые трудно объяснить.

Так, например, выполненный в технике гравировки геометрический орнамент – он покрывает большинство косторезных изделий – имеет значительное число локальных разновидностей. У каждой из них свой набор мотивов-индикаторов, свои приемы построения композиции. В ряде случаев есть возможность достаточно точно соотнести тот или иной тип орнамента с археологическими культурами и субкультурами – древнеберингоморской (ДБК I, ДБК II, ДБК III), оквикской, бирниркской, раннепунукской. Однако определить культурную принадлежность графического декора удается далеко не всегда, и вопрос о причинах появления в орнаментике древних эскимосов Чукотки различных типологических вариантов остается открытым.

[1] *В начале новой эры древние эскимосы Чукотки уже были знакомы с металлом, однако использовали его крайне редко, и поэтому их культуру можно с полным правом считать неолитической.*

Рис. 1. Наконечник гарпуна. Эквен. ДБК II. Раскопки ЧАЭ ГМВ. Инв. № 387 Др-IV

Рис. 2. Головка гарпунного древка. Эквен. ДБК I. Раскопки ЧАЭ ГМВ. Инв. № 144 Др-IV

Рис. 3. Стабилизатор гарпуна («крылатый предмет»). Эквен. ДБК II. Раскопки ЧАЭ ГМВ. Инв. № 764 Др-IV

Рис. 5. Женский нож-улу. Эквен. ДБК II. Раскопки ЧАЭ ГМВ. Инв. № 784/-2 Др-IV

Рис. 4. Рукоятка мотыги. Эквен. Ранний пунук. Раскопки ЧАЭ ГМВ. Инв. № 791 Др-IV

Рис. 7. Антропоморфное изделие. Эквен. ДБК II. Раскопки ЧАЭ ГМВ. Инв. № 92 Др-IV

Рис. 6. Зооморфное изделие. Эквен. ДБК I. Раскопки ЧАЭ ГМВ. Инв. № 133 Др-IV

Рис. 8. Орнитоморфное изделие. Эквен. Оквик. Раскопки ЧАЭ ГМВ. Инв. № 136 Др-IV

Такая же ситуация с объемными фигуративными изображениями. Для круглой скульптуры и рельефов, созданных носителями древнеберингоморской культуры, характерны тщательная проработка образов и сложные композиционные решения. В их выразительной, эмоционально окрашенной пластике доминируют изображения оскаленных звериных клыков и искаженных гримасами антропоморфных ликов. В скульптуре оквикцев, культура которых близка к ДБК хронологически и по ряду других параметров, преобладают иные художественные формы. Оквикские зоо- и антропоморфные фигурки статичны,

Рис. 9. Антропоморфная скульптура. Пайпельгак. Бирнирк, ранний пунук (?). Раскопки ЧАЭ ГМВ. Инв. № 791 Др-IV
Фото: Е.И. Желтов

лаконичны, условны. Скульптура возникшего несколько позднее бирнирка в еще большей степени отличается от древнеберингоморской: она предельно схематична. Вместе с тем, практически синхронная бирниркской пластика раннего пунука во многом повторяет древнеберингоморскую скульптуру.

Еще одна особенность древнеэскимосских художественных изделий из кости заключается в том, что многие из них обладают ярко выраженными индивидуальными чертами. Изучая изобразительное творчество морских зверобоев Древней Чукотки, приходишь к мысли, что резчики и граверы постоянно стремились найти новые художественные решения и внести элементы новизны даже в самые распространенные, самые устойчивые по своей иконографии образы. Личностное, индивидуальное начало прочитывается едва ли не в каждом произведении, созданном в первые века новой эры на северо-восточной оконечности Евразии.

За более чем 70-летнюю историю изучения искусства древних эскимосов Чукотки были определены его основные черты. С.И. Руденко, Н.Н. Диков, С.А. Арутюнов, другие выдающиеся археологи и этнологи отмечали тесную связь изобразительного творчества древних охотников Берингова и Чукотского морей с их религиозно-мифологическими представлениями и, опираясь на современный фольклор морских арктических зверобоев, интерпретировали целый ряд сюжетов древних скульптурных композиций. Искусство азиатских эскимосов I тыс. н.э. рассматривалось в широком историческом контексте. Проводились многочисленные параллели между художественными традициями, существовавшими в древности на чукотских берегах и в прибрежных районах Аляски. В пластических и графических формах древнеэскимосского косторезного искусства были выявлены компоненты, сближающие его с ранненеолитическим искусством Приамурья. Исключительно высокую оценку получил у исследователей уровень мастерства древних резчиков и граверов Чукотки. За произведениями из моржового клыка, созданными на ее побережьях около полутора-двух тысяч лет назад, прочно утвердился статус «шедевров мирового первобытного искусства» [Руденко, 1947; Диков, 1974, 1977, 1979; Арутюнов, Сергеев, 1969, 1975, 1983].

Эстетические достоинства древнеэскимосских скульптурных и графических композиций, их многообразие и тщательность исполнения ставят перед исследователем следующий вопрос. Уникален ли данный историко-культурный феномен для своего исторического периода – эпохи неолита и раннего металла, и для своего региона – Арктики?

Согласно этимологическим словарям, слово «уникальный» восходит к латыни: «unus" («один»), «unicum" («единственное»), «unicus" («исключительный»). Толковые словари определяют данное понятие как «единственный в своем роде, исключительный, неповторимый». Исходя из подобных определений, косторезное искусство Древней Чукотки трудно называть уникальным. Яркие изобразительные традиции резьбы и гравировки по кости существовали в тот же отрезок времени по другую сторону Берингова пролива – у эскимосов Аляски (культура ипиутак), а также в Канадской Арктике (культура дорсет).

За границами «эскимосского мира», на севере Западной Сибири, вблизи Полярного

Урала мы также находим чрезвычайно ценные по своим эстетическим характеристикам произведения искусства рубежа новой эры. Это разнообразные изделия из кости, камня, дерева, глины, металла, представленные на древнем святилище Усть-Полуй. Особенности произведений, созданных в эпоху раннего железного века в низовьях Оби, – в частности, многообразие сюжетов, свидетельствующее о зрелости изобразительной традиции, и сложная техника исполнения, требовавшая от художника незаурядного мастерства и предельной точности в работе, – сближают их со скульптурными и графическими композициями древних эскимосов Чукотки.

Высокий уровень изобразительного творчества усть-полуйцев – охотников, рыболовов, оленеводов – был обусловлен, по мнению Н.В. Федоровой, следующими причинами. Их социум, сформировавшийся на перекрестке различных природных зон и различных культурных традиций, находился в состоянии перехода «от монотонного, относительно замкнутого на себя существования в начале железного века к бурному всплеску военной и торговой активности в начале средневековья» [Федорова, 2017]. Иными словами, искусство Усть-Полуя – это искусство сообщества, существовавшего в неоднородной природной и культурной среде и переживавшего кардинальную трансформацию.

Похожая ситуация сложилась в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. и на Чукотке. Соседями морских зверобоев-эскимосов были охотники на дикого северного оленя, предки чукчей, населявшие континентальные районы полуострова. В оставленных ими Пегтымельских петроглифах есть сцены охоты на китов. Существуют и другие свидетельства, указывающие на то, что контакты между носителями двух разных культур были достаточно тесными. Имело место и проникновение к древним эскимосам традиций, возникших за сотни километров к югу от Полярного круга, «в далеких центрах высокой цивилизации». Важно также, что данный процесс, в исследование которого внесли большой вклад С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев, протекал, по их словам, в форме, оптимальной для охотников арктических морей. Благодаря «относительной изолированности» побережий Берингова пролива от других территорий, иноземные влияния проникали сюда «достаточно ослабленными для того, чтобы захлестнуть …местную духовную традицию», и «могли лишь дополнить, обогатить, оплодотворить ее» [Арутюнов, Сергеев, 1975, 172].

Особенности природного и историко-культурного пространства, в котором складывались рассматриваемые художественные феномены – древнее искусство Чукотки и древнее искусство устья Оби, – оказывали, несомненно, сильное влияние на все стороны жизни эскимосов и усть-полуйцев. Оба социума имели, по всей вероятности, сложную, динамичную этническую и социальную структуру, что, в свою очередь, не могло не отразиться на их изобразительном творчестве. Вероятно, именно поэтому на чукотских побережьях и на севере Западной Сибири создавались столь многоликие по сюжетам и образному строю произведения, возникали и исчезали столь разные стилистические традиции.

Однако мне представляется, что характерные черты древнеэскимосского и усть-полуйского искусства нельзя объяснить только названными выше факторами. Существовали иные, более глубинные предпосылки формирования у северян сложных изобразительных традиций, богатой духовной культуры. Одной из таких предпосылок были, по всей вероятности, экстремально тяжелые условия Арктики. Они требовали от человека предельного напряжения сил – физических и духовных, требовали готовности идти на риск, вести напряженный поиск всё более совершенных способов адаптации к Крайнему Северу. На первый взгляд может показаться, что в этом суровом краю вся творческая активность социума должна быть направлена на решение сугубо практических задач, однако опыт изучения традиционного искусства северных этносов свидетельствует об обратном.

Изучая созданные в XIX – первой половине XX вв. ритуальные и бытовые изделия эскимосов, чукчей, ненцев, хантов, других коренных народов Арктики, убеждаешься в том, что северяне отдавали художественному творчеству массу времени, сил и труда. Объясняется это, с моей точки зрения, тем, что искусство – изобразительное и декоративно-прикладное – во все времена являлось для арктических первопроходцев важным компонентом выработанной ими стратегии жизнеобеспечения в крайне неблагоприятной для человека климатической и природной среде.

С большой степенью вероятности можно предполагать, что, изображая полярных животных (подобные изображения при всей их условности, достоверно передают строение

тела зверей и птиц, их характерные позы и повадки), «люди высоких широт» расширяли свои знания о природе Арктики. Магическое содержание искусства укрепляло веру в свои силы, защищало от стрессов, вызванных запредельными физическими и психическими нагрузками. Художественная резьба по кости и дереву, вышивка подшейным оленьим волосом, занятия другими видами традиционного народного искусства позволяли переключиться на трудовую деятельность, отличную от повседневной, не связанную со смертельной опасностью, как, например, морская охота.

Особого внимания заслуживает такая отмеченная выше черта искусства Крайнего Севера как его вариативность. Она, на мой взгляд, была во многом обусловлена ориентацией арктических сообществ на активную поисковую деятельность. Борьба за выживание на берегах северных морей, в арктической лесотундре, в условиях продолжительной полярной ночи и длящихся восемь-девять месяцев в году холодов могла увенчаться успехом только в том случае, если ее вели люди, готовые к поиску, к риску, к эксперименту. Стремление найти новые территории, новые материалы для орудий труда, новые формы взаимодействия с окружающей средой характерно для всех архаических этносов, но для жителей Арктики эта особенность первобытной культуры имела, полагаю, первостепенное значение. Именно она стала одной из основных причин появления в здешних археологических культурах различных субкультурных традиций, привнесла в художественные изделия вариативность и «авторское своеобразие».

Можно ли хотя бы приблизительно ответить на вопрос, когда в изобразительном творчестве северян появились черты, воплотившиеся в древнем искусстве Чукотки и низовьев Оби? Наиболее ранние из известных на сегодня памятников арктического искусства обнаружены В.В. Питулько, Е.Ю. Павловой и их коллегами в ходе археологических раскопок Янской стоянки [Питулько и др., 2012; Питулько, Павлова, 2014]. Возраст найденных на северо-востоке Якутии украшений и других предметов из бивня мамонта, являющихся по определению В.В. Питулько и Е.Ю. Павловой «свидетельствами символической деятельности людей», составляет около 27-29 тысяч лет [Питулько и др., 2012, 77; Питулько, Павлова, 2014, 140]. Детальный анализ многочисленных находок, проведенный исследователями, позволил им прийти к выводу о том, что верхнепалеолитические художественные изделия Янской стоянки выполняли, в первую очередь, информационную функцию, указывая на принадлежность человека к определенным социальным группам различного таксономического уровня [Питулько, Павлова, 2014, 158].

Произведения искусства Чукотки и низовьев Оби эпохи неолита и раннего железного века тоже несли в себе, с моей точки зрения, сведения о племенной и клановой принадлежности их владельцев, об их гендерной роли и социальном статусе. Скорее всего, большинство художественных изделий, созданных на ранних этапах развития человеческого общества, выполняли эту же задачу и способствовали тем самым гармонизации отношений между людьми, но в Арктике, где выживание человека напрямую зависело от его способности к социальным контактам, такая роль произведений искусства приобретала особое значение. Представляется достаточно вероятным, что «манифестационная» функция абстрактных и фигуративных изображений, создававшихся в первобытных арктических социумах, являлась не менее важной, чем познавательная и магическая. Не исключено, что в определенных ситуациях, скажем, в ходе интенсивного взаимодействия с иноплеменниками, ее значение могло существенно возрастать, как это, вероятно, происходило у древних эскимосов и усть-полуйцев. Таким образом, истоки изобразительных традиций, существовавших в древности на Чукотке и на севере Западной Сибири, следует искать в эпохе, удаленной от рубежа новой эры не менее, чем на 25 тысяч лет.

Всё сказанное выше подтверждает тезис о том, что у неолитического искусства азиатских эскимосов были аналоги. И все-таки, возвращаясь к заданному в начале статьи вопросу, можно ли считать его уникальным историко-культурным явлением, я не спешил бы с отрицательным ответом. Уникальность древнеэскимосских художественных изделий из моржового клыка заключается, на мой взгляд, в том, что абсолютное большинство из них обнаружено в исключительно информативном археологическом контексте. Сотни известных в настоящее время орнаментированных предметов охотничьего снаряжения, многочисленные художественно оформленные орудия труда, десятки скульптурных изображений, украшений и деталей костюма входили в состав погребений Уэленского, Эквенского, Чинийского и других обширных

грунтовых могильников Чукотки [Арутюнов, Сергеев, 1969, 1975; Диков, 1974, 1977, 1979, Бронштейн, и др., 2007]. Изучение погребального инвентаря, погребальных сооружений, костных останков (возраста, пола, общественного и имущественного статуса погребенных) – всего комплекса информации, содержащейся в материалах древнеэскимосских захоронений, позволяет реконструировать различные стороны материальной, социальной и духовной культуры морских арктических зверобоев первых веков новой эры. И хотя в настоящее время значительная часть археологических находок остается неопубликованной, можно быть твердо уверенным в том, что выводы, полученные на основе изучения чукотских древностей и экстраполированные на другие регионы, другие хронологические периоды (в науке неоднократно проводились параллели между неолитическими охотниками на китов и палеолитическими охотниками на мамонтов), дадут возможность исследователям первобытного общества существенно продвинуться вперед, какими бы проблемами они ни занимались.

Уверен также, что дальнейшие исследования художественных изделий, созданных древними эскимосами Чукотки на стыке старой и новой эры, существенно конкретизируют современные представления о творческих способностях первобытного человека. Насколько были они широки? Как далеко простирались? Являлась ли активная творческая деятельность результатом длительной эволюции первобытного социума или она была присуща людям изначально?

Рискну предложить читателю свой ответ на эти «извечные вопросы». «Нечеловеческие» условия, в которых формировалась культура морских арктических зверобоев, ее очевидная архаичность и вместе с тем исключительно высокий эстетический уровень произведений древнеэскимосского искусства дают основание говорить о том, что стремление к художественному творчеству возникло у человека уже на самых первых стадиях его истории. Символическая деятельность и создание новой, не существующей в природе реальности, построенной по законам гармонии, стали, по всей вероятности, ключевыми характеристиками, отличавшими вид Homo Sapiens от остальных биологических сообществ. Возвращаясь, таким образом, к заглавию статьи, хочу в заключение сказать, что искусство Древней Чукотки – это, с моей точки зрения, и уникальный историко-культурный феномен в источниковедческом плане, и вместе с тем весомое свидетельство широких творческих возможностей первобытного человека.

Литература

1. Арутюнов С.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник) / С.А. Арутюнов, Д.А. Сергеев. – М.: Наука, 1969. – 205 с.

2. Арутюнов С.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник) / С.А. Арутюнов, Д.А. Сергеев.– М.: Наука, 1975. – 240 с.

3. Арутюнов С.А. Научные результаты работ на Эквенском древнеэскимосском могильнике (1970–1974 гг.) / С.А. Арутюнов, Д.А. Сергеев // На стыке Чукотки и Аляски. – М.: Наука, 1983. – С. 200-229.

4. Бронштейн М.М. Мир арктических зверобоев: шаги в непознанное / М.М. Бронштейн, К.А. Днепровский, Е.С. Сухорукова. – М.-Анадырь: ГМВ, 2007. – 215 с.

5. Диков Н.Н. Чинийский могильник (к истории морских зверобоев Берингова пролива) / Н.Н. Диков. – Новосибирск: Наука, 1974. – 167 с.

6. Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности / Н.Н. Диков. – М.: Наука, 1977. – 391 с.

7. Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности / Н.Н. Диков. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

8. Питулько В.В. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики / В.В. Питулько, Е.Ю. Павлова, П.А. Никольский, В.В. Иванова // Российский археологический ежегодник. – СПб: СПбГУ, ИИМК РАН, ГЭ, 2012. – Вып. 2. – С. 33-102.

9. Питулько В.В. Искусство Янской стоянки: диадемы и браслеты из бивня мамонта (предварительный анализ коллекции) / В.В. Питулько, Е.Ю. Павлова // Археология Арктики.– Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. – Вып. 2. – С. 140-161.

10. Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема / С.И. Руденко. – Л.: ГСМП, 1947. – 132 с., 58 табл.

11. Федорова Н.В. Зооморфный код Усть-Полуя / Н.В. Федорова // Археология Арктики.– Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. – Вып. 4 «Усть-Полуй: материалы и исследования – С. 104-126.